

УДК [821.161.1+821.161.3]-31.09

Бездомность как социальная и экзистенциальная трагедия в прозе В. Астафьева и В. Козько

Крикливец Е.В.

**Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск**

В статье предпринята попытка выявить специфику раскрытия проблемы бездомности в художественной прозе В. Астафьева и В. Козько. В произведениях писателей категория бездомности коррелирует с социальным аспектом топоса дома. Бездомность осмысливается и русским, и белорусским авторами как важная общественная проблема. Отсутствие одной из моделей дома (дома-семьи, дома-родины, внутреннего дома) нарушает гармоничное развитие личности, затрудняет адаптацию человека в социуме, становится причиной эмоциональных переживаний. В раннем творчестве писателей тема бездомности носит автобиографический характер и помогает преодолеть каноны нормативной эстетики. В зрелых произведениях В. Астафьева бездомность рассматривается как явление социальное, возникающее при разрушении благополучных семейных отношений. В. Козько исследует экзистенциальную составляющую проблемы, связанную с отсутствием у героя внутреннего дома.

Ключевые слова: бездомность, дом, модели дома, художественный мир, повесть, русская литература, белорусская литература.

(Ученые записки. – 2014. – Том 17. – С. 135–140)

Homelessness as Social and Existential Tragedy in the Prose by V. Astafiev and V. Kozko

Kriklivets E.V.

Educational establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article attempts to reveal the specificity of the disclosure of the issue of homelessness in the prose by V. Astafiev and V. Kozko. In the works by the writers homelessness category correlates with the social aspect of the topos of the home. Homelessness is interpreted both by the Russian and the Belarusian authors as an important social problem. Absence of one of the models of home (home-family home-country, inner home) infringes harmonious development of the personality, makes it difficult to adapt to human society, causes emotional distress. In the early work of the writers the topic of homelessness is autobiographical in nature and helps to overcome the canons of normative aesthetics. In the mature works by V. Astafiev homelessness is seen as a social phenomenon, which occurs when the destruction of prosperous family relations takes place. V. Kozko explores the existential component of the issue associated with the lack of internal character of home.

Key words: homelessness, home, models of home, artistic world, narrative, Russian literature, Belarusian literature.

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 17. – P. 135–140)

В центре внимания данного исследования – сравнительный анализ художественной прозы В. Астафьева и В. Козько – представителей русской и белорусской литератур, занимающих ключевое место в литературном процессе последней трети XX века. Проблематика и поэтика произведений этих писателей имеют общие точки соприкосновения, обусловленные социокультурным пространством двух государств, общей картиной славянского мира, мировоззрением художников, их авторским мышлением в создании художественной концепции универсума. Сохраняя творческую индивидуальность, они демонстрируют национальную ментальность и общечеловеческую позицию. Данный ракурс позволяет сделать вывод о прочных взаимосвязях русской и белорусской литератур, их общих и особых чертах в отражении мира и человека.

Цель нашей статьи – выявление специфики раскрытия проблемы бездомности в художественной прозе В. Астафьева и В. Козько.

Материал и методы. Методологическую базу исследования составляют работы белорусских и российских литературоведов, посвященные изучению творческого наследия В. Астафьева и В. Козько, а также традициям толкования топоса. В качестве объекта исследования выступает художественная проза В. Астафьева и В. Козько. В статье использованы культурно-исторический и сравнительно-типологический методы анализа.

Результаты и их обсуждение. Одним из ключевых топосов, организующих художественные модели мира, созданные в прозе В. Астафьева и В. Козько, выступает топос дома, поскольку его можно считать основополагающим как для русской, так и для белорусской культурной традиции.

М.И. Мещерякова рассматривает целостность художественной структуры произведения как единство четырех уровней: концептуального, уровня организации произведения как художественного целого, уровня «внутренней формы», уровня внешней формы [1]. Можно предположить, что на концептуальном уровне писателями-современниками решаются одни и те же вопросы, очевидна общая гуманистическая направленность их произведений, схожая аксиологическая ориентация. Однако сопоставительный анализ творчества В. Астафьева и В. Козько позволяет не только отметить общность их произведений на кон-

цептуальном уровне, но и специфику организации уровня «внутренней формы», что подчеркивает уникальность каждого писателя как творческой личности. Следовательно, топос дома, функционируя в произведениях В. Астафьева и В. Козько, не только помогает решать общие морально-этические вопросы, размышлять о роли и месте человека в жизни, но и свидетельствует о литературном новаторстве, творческом поиске, художественном мастерстве каждого из писателей, которые проявляются в особенностях пространственно-временной организации их произведений.

В связи с этим данное исследование базируется на комплексном подходе к анализу выделенного топоса в прозе В. Астафьева и В. Козько, предполагает его рассмотрение на всех уровнях внутренней структуры. Так, функционируя на реальном уровне, топос дома будет актуализировать значения места пребывания героя, места жительства семьи, места действия. Очевидно, что наиболее интересными для анализа представляются перцептуальный и концептуальный уровни. Можно предположить, что на перцептуальном уровне топос дома реализуется в социальном и экологическом аспектах, символизируя социальное окружение героя, пространство природы, в котором он пребывает и которое воспринимается (или не воспринимается) им как дом. На наиболее глубинном, концептуальном уровне топос дома реализуется в мифологическом аспекте, функционируя как сакральное пространство, апеллируя к генетическим кодам культуры.

Рассматривая топос как элемент пространственно-временной организации произведения, следует учитывать, что для топоса дома в прозе В. Астафьева и В. Козько основополагающими будут пространственные характеристики, поскольку конституирующий признак дома – стабильность, постоянство, минимальная подверженность изменениям.

В прозе В. Астафьева и В. Козько категория бездомности связана с социальным аспектом топоса дома. Данную проблему в творчестве писателей можно назвать автобиографической: и В. Астафьев, и В. Козько воспитывались в детском доме, оба прошли через нелегкие испытания военного времени.

Впервые тема бездомности возникает в ранних произведениях В. Астафьева и В. Козько, относящихся к первому периоду творчества писателей. На этапе становления

эстетические системы обоих прозаиков преодолевают каноны соцреалистического метода. В. Астафьев в духе официальной эстетики пишет роман о преобразовании отсталого колхоза – «Тают снега»; в русскоязычных произведениях В. Козько «Темный лес – тайга густая», «Здравствуй и прощай» использован хронотоп Сибири, что, тем не менее, не помогло автору встать в один ряд с писателями-сибиряками.

Однако в наиболее удачных произведениях раннего периода элементы будущего художественного метода намечены более отчетливо. Эволюция топоса дома в прозе писателей позволяет утверждать, что уже в «пермский» период творчества В. Астафьева, равно как и в «сибирский» период творчества В. Козько происходит переход от нормативной эстетики к классической реалистической парадигме художественности.

В произведениях писателей ключевыми моделями дома являются дом-семья, внутренний дом, мир нации (родина). Отсутствие одной из этих моделей (или всех одновременно) приводит к бездомности.

Данная проблема становится центральной в повести В. Астафьева «Кража» и «Повести о беспризорной любви» В. Козько, написанных на автобиографической основе. В произведении В. Астафьева изображен детский дом 1930-х годов, в повести В. Козько – детприемник послевоенного времени. Причины бездомности их обитателей преимущественно социальные: неблагополучные семьи, раскулачивание, война. Эти причины приводят, в первую очередь, к разрушению (отсутствию) дома-семьи. Герои-подростки оказываются лишенными родительского внимания, положительно-го примера внутрисемейных отношений.

Отметим, что в результате социальных потрясений некоторые герои названных повестей потеряли не только дом-семью, но и родину. Так, заведующий краесветским детским домом Валериан Иванович Репнин в прошлом – белый офицер, своей родиной считавший дореволюционную Россию, – теперь вынужден жить в условиях, диктуемых новым временем, и обретает семью только в лице своих воспитанников. Тоскует по родине кавказец Ибрагимка, лишенный в Краесветске даже своего настоящего имени. Тамара-грузинка из «Повести о беспризорной любви», ни разу не видевшая Грузии, испытывает безотчетную тягу к родине, которая мыслится залогом счастья: «Она не ждала ничего от ро-

дины и не потребовала бы от нее ничего. Хотелось только на каменистый берег горного ручья. Сесть на берегу и омыть в ручье ноги. И тогда, казалось, она сразу станет счастливой» [2, с. 263].

Мечта о доме, тоска по дому присущи всем героям «Кражи» и «Повести о беспризорной любви». Значимость дома-семьи трудно переоценить, тем более, для героя-подростка. Именно в доме происходит формирование личности, усвоение основных жизненных ценностей, моделируются семейные взаимоотношения. Все это подросткам-беспризорникам приходится искать в детском доме. Примечательно, что детский дом не становится для своих обитателей антидомом, а, напротив, выполняет многие функции дома.

Так, дом осознается как «свое», обжитое пространство, противопоставленное «чужому», враждебному. Следовательно, по отношению к дому люди также делятся на «своих» и «чужих». В повести В. Астафьева «Кража» детский дом «отвергает» героев, не вписывающихся в его пространство, не принимающих его правил. «Чужой» является для детского дома воспитательница Маргарита Савельевна, которая попала «из почти никем не посещаемой избы-читальни в содомное заведение, к шумному и дерзкому народу» и «как перепугалась еще в первый день своей новой работы, так и боится ее до сих пор» [3, с. 10]. «Чужим» становится и Лешка Деменков, который предпочел воровской мир детдомовскому распорядку.

Еще одна значимая функция дома – защитная. Детприемник защищает Андрея Разорку («Повесть о беспризорной любви») от воспоминаний о гибели родителей, о пребывании в концлагере; краесветский детский дом пытается защитить ребят от страшного прошлого, исковеркавшего их жизни: «Здесь... было осатанелое лицо маленького человека, пережившего когда-то страшное потрясение, сделавшее его сиротой. Это потрясение осело в глубину, но не умерло и никогда не умрет. На самом дне души сироты, как затонувший корабль, всю жизнь лежит оно» [3, с. 8].

В фольклорно-мифологической традиции центром дома, объединяющим его обитателей, всегда выступала печь. Детские дома, изображенные в повестях русского и белорусского писателей, также имеют свои «сакральные» места. Воспитанники краесветского детского дома любят собираться на кухне у повара-тети Ули: там воспоминания о прошлом

уже не кажутся им такими трагическими, а безалаберные родители зачастую идеализируются. Герои повести В. Козько Андрей и Тамара находят приют за печкой, тепло которой заменяет им тепло родного очага и расставание с которой ощущается как расставание с домом: «Жизни она желает печке. Долгой и беспечальной жизни. Пусть для нее всегда будут отборные дрова. Пусть у нее всегда будет заботливый и любящий хозяин. Пусть никогда не гаснет ее огонь. А она всегда будет поминать эту печку добрым словом. Может, солнце как раз и пыталось сказать ей, что у нее в этой жизни есть печка. Печка, от которой она может танцевать дальше» [2, с. 365].

В родительском доме ребенок получает имя. Функцию имянаречения в ранних повестях В. Астафьева и В. Козько также выполняет детский дом. Изувеченный подросток по кличке Паралитик впервые получает имя и фамилию, которая придумывается самими детдомовцами, – Игорь Краесветский. Грузинка, не знавшая своих родителей, получает в детском доме имя Тамара.

Отметим, что детский дом формирует и модель межличностных отношений. Подростки взаимодействуют друг с другом, с младшими детьми, с воспитателями. Зачастую это взаимодействие далеко от идеального, но опыт приводит ребят к самоопределению и взрослению. Яркий пример – духовная эволюция Толи Мазова, героя повести В. Астафьева «Кража».

Детский дом становится определенной микромоделью социума со всеми его проявлениями. В детском доме ребята сталкиваются со смертью и, возможно, впервые пытаются осмыслить потерю: умирает Гошка Воробьев в повести В. Астафьева «Кража», умирает Колька Летечка в первой белорусскоязычной повести В. Козько «Суд у Слабазе». Примечательно, что сцены похорон в обеих повестях практически идентичны.

В детском доме подростки впервые испытывают светлое чувство влюбленности: тянутся друг к другу Зина Кондакова и Толя Мазов, наперекор всем жизненным обстоятельствам настаивает «беспризорная любовь» Тамару и Андрея Разорку: «Мы начинались в детприемниках, среди дорог, вшей и развалин. И никогда не должны забывать об этом. Иначе же нас проклянут наши дети. А они должны знать, что среди вшей и развалин, в детприемниках, в детдомах и колониях жила любовь. Жила. Любили друг друга беспризорник-

белорус Андрей и беспризорница-грузинка Тамара. Все это было, было» [2, с. 318].

Однако и русский, и белорусский писатели подчеркивают, что понятия детского дома и дома не тождественны. Само место расположения детского дома в обеих повестях выбрано не случайно. Местом действия в повести В. Астафьева «Кража» становится город Краесветск. Говорящее название города указывает на то, что населенный пункт возник на «краю света» спонтанно: основу его жителей составляют ссыльные и спецпереселенцы. Детприемник, в который убегает от своего прошлого Андрей Разорка, находится на небольшой станции между Клинском и Москвой. Города, встречающиеся мальчику на пути следования, все как один напоминают родной и пугающий Клинок; отличие только в том, что в одном из них есть детприемник, где ждет его Тамара.

Многие обитатели детского дома помнят свою прежнюю жизнь в родительском доме. Большинство из них осознают временность, непостоянство своего нынешнего положения. Подростки испытывают страх перед будущим, чувствуют свою несостоятельность перед лицом взрослой, самостоятельной жизни, в которой придется выбирать свой путь и нести ответственность за свои поступки: «Они могут жить с родителями, те их вырастят, определят на работу. Поддержат, когда трудно. А тут отчаливай на все ветры со справкой на жительство, начинай с заботы о том, чего завтра пожрать... Как жить? Что они знают о людях? Что люди знают о них? Как трудно и сложно все!» [3, с. 216–217].

Следовательно, в ранних повестях В. Астафьева и В. Козько детский дом выступает своего рода «точкой отсчета» жизненного пути героев, которым только предстоит открыть для себя мир, «а открывши – жить в нем» [1, с. 245]. Критерием оценки духовной состоятельности героев в более поздних произведениях В. Астафьева станет способность «построить» свой дом, создать семью, основанную на гармоничных взаимоотношениях, умение нести ответственность за родных людей. В. Козько заставит героев своих произведений вернуться в прошлое, осознать его, найти себя в нем. Так, Колька Летечка, воспитанник детского дома в Слободе («Суд у Слабазе»), совершит нелегкий путь в свое прошлое, чтобы ценой жизни ответить на вопрос «Адкуль я ёсць і пайшоў?» [4, с. 137].

Последующие периоды творчества русского и белорусского авторов указывают на то,

что бездомность имеет разную природу, но всегда осмысливается как величайшая трагедия. В произведениях В. Астафьева бездомность и в дальнейшем будет осмысливаться как явление исключительно социальное, возникающее не тогда, когда рядом с героем нет родных людей или он далеко от дома, а когда у героя отсутствует модель благополучных семейных отношений. Писатель отчетливо осознает социальную девиантность бездомности, приводящей к разрушению как отдельной личности, так и общества в целом, поскольку бездомный герой, по В. Астафьеву, не способен создать полноценную семью и найти свою нишу в социуме.

Так, в романе «Печальный детектив» в ряду других социальных проблем поднимается и проблема отсутствия нормального семейного воспитания: «...осталась Юлька при родителях, считай что, сиротой, на руках великого педагога – бабки Тугышихи, которая материла внуку за отставание в учебе, гонялась за ней с полотенцем, если та не слушалась ее» [5, с. 42].

Проблема бездомности лежит в основе рассказа «Людочка», где трагическая судьба героини, покончившей с собой, связана с тем, что в жизни девушки не оказалось близкого человека, способного понять и поддержать в трудную минуту. Мать, занятая хлопотами о переезде и мыслями о рождении второго ребенка, оставляет дочь один на один со своей бедой.

Мотив бездомности является сюжетообразующим и в рассказе «Пролетный гусь». Примечательно, что представление о бездомности претерпевает в этом произведении В. Астафьева определенную трансформацию. В начале рассказа пережившие войну молодые люди хоть и ощущают себя бездомными, но полны оптимизма, веры в будущее, способны преодолеть одиночество и почувствовать себя дома даже в незнакомом провинциальном городке Чуфырино. В конце рассказа бездомность и одиночество, приведшие Марину к самоубийству, обусловлены не только отсутствием своего угла, но и потерей смысла жизни в связи со смертью мужа и сына. Однако В. Астафьев дает понять, что бездомность его героев не является только их личной бедой. Это проблема всего послевоенного общества, когда поколение молодых ребят, вернувшихся с войны, не имеющих ни жилья, ни образования, оказалось брошенным на произвол судьбы, а точнее, на произвол таких чиновников, как чета Мукомоловых.

Следовательно, в прозе В. Астафьева бездомность раскрывается не только как проблема отдельно взятого человека (герой вообще может не осознавать истинных механизмов того, что с ним происходит), но, прежде всего, как причина и следствие негативных социальных явлений, то есть писатель идет от частного к общему. С проблемой бездомности герой не может справиться самостоятельно: для ее преодоления необходимо менять привычное социальное устройство, сознание всего общества.

В. Козько, напротив, приходит от общего к частному. Причиной бездомности в зрелом творчестве писателя по-прежнему выступают социальные катастрофы: война («Хроніка дзетдомаўскага саду»), «Суд у Слабадзе»), чернобыльская авария («Бунт незапатрабаванага праху»), «Выратуй і памілуй нас, чорны бусел»), бездумная мелиорация Полесья («Неруш»). Однако, вне зависимости от причины, бездомность осмысливается белорусским автором как проблема глубоко экзистенциальная, связанная, в первую очередь, с отсутствием у героя внутреннего дома.

Еще раз подчеркнем, что в жизни Кольки Летечки функцию утраченной семьи выполняет детский дом и выполняет, надо сказать, довольно успешно: у мальчика складываются теплые отношения и с воспитанниками, и с администрацией. Но на протяжении всей повести герой страдает от бездомности (отсутствия памяти о доме) и за возможность обрести внутренний дом платит жизнью.

В романе «Хроніка дзетдомаўскага саду» герой-повествователь испытывает муки совести не столько от того, что помещение бывшего детского дома оказывается разрушенным, сколько от того, что эта разруха становится символом утраченной памяти, утраченного внутреннего дома.

Мотив бездомности выступает логическим продолжением мотива трансформации дома в антидом в романе «Бунт незапатрабаванага праху». Герой не может выстроить семейные отношения, сохранить семью до тех пор, пока не обретает внутренний дом (до этого момента он ощущает себя бездомным и по сути является им).

В отличие от произведений В. Астафьева, где отдельная личность оказывается не в состоянии преодолеть бездомность как социальное явление, герои В. Козько с экзистенциальной проблемой бездомности вполне могут справиться. Переживание собственной бездомности становится для них отправной

точкой, откуда начинается движение к поискам выхода из сложившейся ситуации, к поискам внутреннего дома.

Заключение. Таким образом, проблема бездомности осмысливается и русским, и белорусским прозаиками как одна из важных общественных проблем. Отсутствие одной из моделей дома нарушает гармоничное развитие личности, затрудняет адаптацию человека в социуме, становится причиной глубоких эмоциональных переживаний. Бездомность – итог разрушения или утраты дома. Обращение к данной проблеме на раннем этапе творчества позволило и В. Астафьеву, и В. Козько уйти в область межличностных отношений, «обойти» вопросы идеологии и справиться с влиянием соцреалистических клише. В произведениях писателей более позднего периода проблема бездомности не носит ярко выраженного автобиографического характера и находит различное эстетическое воплощение. С конца 1980-х гг. писатели работают в русле

разных литературных направлений. Творчество В. Астафьева усвоило и обогатило парадигму классического реалистического искусства, а художественная система В. Козько по сей день открыта в современную реальность и подвержена влиянию модернистских тенденций.

Литература

1. Мещерякова, М.И. Литература в таблицах и схемах / М.И. Мещерякова. – М.: Айрис-пресс, 2009. – 219 с. – (Домашний репетитор).
2. Козько, В.А. Судный день / В.А. Козько. – М.: Молодая гвардия, 1988. – 525 с.
3. Астафьев, В.П. Кража: Повести и рассказы / В.П. Астафьев. – Минск: Юнацтва, 1995. – 333 с.
4. Казько, В.А. Судны дзень / В.А. Казько. – Минск: Мастацкая літаратура, 1998. – 480 с.
5. Астафьев, В.П. Печальный детектив / В.П. Астафьев // Роман-газета. – 1987. – № 5. – С. 1–47.

Поступила в редакцию 31.03.2014 г.

Принята в печать 21.07.2014 г.